Часть 4

ПРО РЫБАЛКУ

Я не рыбак. Хотя жить на Камчатке и не быть рыбаком не возможно. Не просто же так первые русские крестьяне-переселенцы упорно «забывали» все свои навыки землепашества, а с головой погружались в рыбную ловлю и охоту.

Фото 84.Привезли первую долгожданную рыбу нового улова. Чавыча. Из личного архива Т.Булах (Михайловой).

Первую рыбу ждали всегда с большим нетерпением. Первой на нерест шла чавыча. Это огромная , до 10-15 килограмм весом, но очень немногочисленная рыба. У Милькова она появлялась в июне, когда Камчатка ещё во власти весеннего половодья несёт свои бурные и мутные, воды. Рыбаки с неводом и батами собирались на отмелом берегу реки. Тут же из жердей строился высокий помост (лабазок), с которого наиболее опытный и зоркий камчадал тщательно вглядывался в бурную воду , стараясь приметить след от двигающейся около поверхности чавычи. Как только он замечал бурун, выше по течению выскакивал бат, стараясь окружить рыбу неводом. За рыбалку ловили немного, 1-3 рыбины, которые честно делили на всех участников ловли. Если не хватало, то рыбину рубили пополам, благо она была большой. И это был праздник первой рыбы.

Фото 85. Мой названный, двоюродный дед Краснояров Алексей Федотович на выборке невода на рыбалке в начале 60-х. Из архива Б. Брагина. Фото 2. Краснояров Алексей Федотович (дядя Леша), рыбак Мильковского коопзверпромхоза. 60-е годы. Я нередко бывал у него. Порой за один заход неводом набивали бат рыбой сверхом так, что переправляться далее было очень небезопасно.Из архива Б.Брагина.

Abb. 10: „Fischfang am See von Jawina".

Фото 86. Лов лосося мариком на Камчатке. Художник барон Киттлец, участник кругосветного путешествия Ф.Литке в 1828 г. ***(Б.Б.-Рисунок-акварель 10: «Рыбалка на озере Явина»)***

Кроме ставных сетей и неводов местные жители нередко использовали для лова лосося местный вариант остроги - марик (марэк), распространенный по всему северо-востоку, включая Камчатку. Очень интересное орудие лова, представляющее металлический разомкнутый круг размером с ладонь, один конец которого подвижно крепился сыромятным ремешком на конце шеста в специальном продольном желобе, другой,

остро отточенный, служил для поражения рыбы. После удара и легкого движения шестом назад марик закрывался вокруг своей подвижной оси, превращаясь в большой крючок, исключающий сход рыбы.

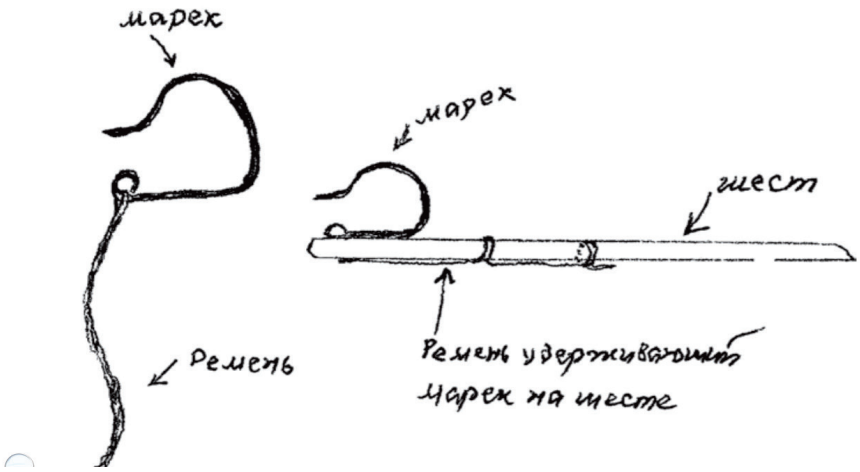

Фото 87. Конструкции марика из книги С.И.Вахрина «Трагедия камчатского берега.

После ухода большой воды издавна массовый промысел рыбы осуществлялся, так называемыми, запорами - деревянными сооружениями, перекрывающими русло и направляющими поднимающуюся вверх рыбу в ловушки.

Abb. 26: Aquarell Nr. 5 – Fischbarriere über den Kamčatka-Fluss bei Mil'kovo. Verschiedene Lachsarten. 18. Juli. [Zur dauerhaften Naturnutzung mit dieser Methode: → S. 190.]

Фото 88. Устройство запоров для ловли лосося на р. Камчатка под Мильково. Художник барон Киттлец, участник кругосветного путешествия Ф.Литке в 1828 г. ***(Б.Б.-Рисунок 26: Акварель № 5 - Рыбный барьер над рекой Камчатка под Мильково. Различные виды лосося. 18 июля 1828 г. [Для постоянного использования природы с использованием этого метода: - »стр. 190.])***

Как писал В.И.Борисов «самый большой запор устанавливали жители селения Машура ***(Б.Б.-ительменское селение предшевствующее современной Долиновки).*** **Они перегораживали реку Камчатку от берега**

до берега. Длина запора составляла около 500 метров.». В окрестностях Милькова река Камчатка распадается на несколько больших и малых проток и на всех их, судя по описаниям Г.Г. Поротова, в старину жители ставили запоры и запорчики.

В 50-60-е годы я уже не помню столь масштабных, капитальных сооружений. Всё больше использовались невода и поставные сети.

Применяемые в это время запоры представляли собой небольшой частокол длиной 20-30 метров со стороны отмелого берега, заканчивающийся на глубине вентерем. Использовали их преимущественно весной во время хода гольца. Мигрирующих крупных гольцов в обиходе именовали «запорными». «Запорными» кунжами пренебрегали, выбрасывая их обратно в воду, и мертвые особи лежали на накренившемся под силой течения частоколе.

Фото 89. Запор на реке Камчатка вблизи селения Машура. Из материалов экспедиций Ф.П. Рябушинского 1906-1909 гг.

В самом начале 60-х местные мальчишки при индивидуальном лове стали замечать приезжих городских рыбаков, которые вылавлили из плотно идущих косяков рыбу «кошками» – большим крючком-тройником на толстой леске диаметром не менее 1,0 мм. Это было не столь трудоемко и хлопотно как рыбалка сетями, а расстояние от рыбака до рыбы становилось ощутимо больше, чем длина остроги (марика, крюка, петли), что расширяло возможности лова. Нововведение моментально было подхвачено местными, а орудие лова получило название «подсекало». Тут же был решен

вопрос дефицита толстой лески – с помощью крышки от ведра скручивались две лески по 0,6 мм с последующем соединением и получением прочной и толстой плетенки. А заводские большие тройники заменили самодельными из толстой сталистой проволки. Далее в ход пошли инерционные спиннинговые катушки на короткой, но прочной палке-удилище, что позволяло вести заброс снасти в условиях береговых зарослей.

На мелководье и в прозрачной воде снасть забрасывали прицельно, на отдельно стоящие особи рыбы. В ямах, на глубине кидали наугад. При плотном ходе лосося каждый второй заброс был успешным. Наибольшее сопротивление оказывала рыба, подсеченная за хвостовую часть. Отчаянно борясь за жизнь, она выписывала немысленые кульбиты, выпрыгивая из воды, а леска резала пальцы в кровь. С огромной скоростью винтом крутились в глубине сильная рыба, пойманная за бок, спину. И надо тянуть быстро, со всей силы иначе перекрутит леску и уйдет с якорем у самого берега. Совершенно безвольно, как бревно, подтягивалась к берегу рыба, пойманная на голову («за халду»).

У каждого из нас были свои любимые места для рыбалки. Мы предпочитали верховья: устье Сигачика, протоку Стариковскую, Солдатскую, устье Андриановки и её протоку с смешливым названием «Курица».

Сигачик была «домашней» речкой, куда ходили пешком. Берега Сигачика были весьма заросшие, поэтому

рыбалка там «подсекалой» требовала изрядной сноровки и навыков.

На Стариковскую обычно ездили на велосипедах. Доезжали по дороге до, так называемого, «7-го километра» *(Б.Б.-по факту расстояние от нулевого столба у почты 4-5 километров)* или «Военного аэродрома», где был полевой стан, спускались с террасы и по тропе через километр выходили на просторную поляну на берегу протоки Камчатки с следами (многочисленные заросшие ямы для кислой) былой рыбалки стариков, описанной Г.Г. Поротовым в романе «Камчадалы». Хорошее место, привольное, рыбы было много. Немного дальше вверх было другое рыбное и историческое место «Солдатская», где в 1802 году стояли солдаты батальона полковника А.А. Сомова, пытавшиеся по высочайшему указу прививать землепашество среди жителей полуострова. Теперь только заросшие поляны некогда раскорчеванных земель под поля напоминали об этом.

Особо любимым местом для рыбалки было устье Андриановки в Верхне-Камчатске. В это время на месте некогда крупного села была большая поляна с поросшими неровностями рельефа - следами фундаментов раннее существовавших там домов. На месте села было только три строения : дом дорожников-смотрителей у моста через реку Камчатку, метеостанция да покосившийся, вросший в землю у дороги домик старухи Фисунихи. Муж её, вечно «трезвый» мужик Фисунов, жил и работал в Мильково. Поскольку до Милькова было достаточно

далеко мы обычно у Фисунихи и ночевали, где при свечах по полуночи чаевали, рассказывали байки и резались в карты в «дурака». Изредка нас пускали к себе переночевать на чердак дорожники или приходилось спать в пустующем , с отчаянно дымившей буржуйкой, балке летней фермы животноводов, что была перед мостом через Андриановку. Мост был деревянный и проходил почти на километр ниже нынешнего, всего в 100-200 метрах от впадения Андриановки в Камчатку. Чуть выше устья Андриановки в Камчатке была огромная яма, где всегда несметными косяками стояла рыба. Здесь рыбачили по декабрь, когда река была уже вся в заберегах, но ещё шел зимний кижуч.

По сути описываемая рыбалка являлась официально браконьерством, потому как частный лов лосося был ограничен ещё в 30-х годах. Но на деле все ловили рыбу на еду, а власть делала вид, что осуществляет надзорные функции. Хотя нас, мальчишек изрядно донимали инспектора рыбоохраны Загурский и позже Сарычев. Но куда там им, мы же были молодые и при встрече просто улепетывали без оглядки, бросая им в качестве трофеев свой улов и снасти. Но никто из нас ни когда не злоупотреблял ловлей. Мой мальчишеский улов не превышал более 2-3 рыбин, хотя мог поймать многие десятки штук. В сезон семья солила 1-2 столитровые бочки красницы *(Б.Б.-нерки)* и кеты, которую зимой отмачивали и ели с картошкой. Меня всегда коробил вид проплывающих сверху в низ по течению десятков

мертвых, потрошенных тел лосося - дела рук бесчинствующих городских «икорных» браконьеров.

Помимо соленой рыбы небольшое количество её коптили в своих коптилках, сделанных из жердей, покрытых толью. Лучшим считался дым от вечно мокрой ольхи. Своих рабочих (ездовых, охотничьих) собак у нас не было, только дворовые. Поэтому юколы им на корм сушили на чердаке немного. Глубокой осенью уже в морозы старались поймать даже «откибарившегося» кижуча, которых хранили мерзлыми на крыше стайки на корм собакам. До появления консервантов (буры, уротропина) красную икру солили мало. Её в лучшем случае сушили в ястыках на заборах для зимней ловли гольца на удочку. Удивительно, но в ней присутствует какой то антисептик и её не «заплевывают» мухи. Охотники использовали сушенную икру как высококалорийную провизию на промысле. Это была действительно очень сытная, но чрезвычайно вязкая на зубах еда. Я был крайне поражен, когда в самом начале 60-х на прилавках магазинов появилась консервированная коопзверпромхозовская икра по цене 6-7 рублей за литр. Это было баснословно высокая цена. Мне кажется все местные жители были также в недоумении. Соответственно ажиотажного спроса не наблюдалось.

О ловле на удочки гольцов, кунжи, микижи, микинек *(Б.Б.микиньки молодь лосося).* Голец был основным промысловым видом. Хищную кунжу брали неохотно поскольку она уступала гольцу по вкусовым качествам.

Микижей *(Б.Б.-радужная форель)* многие камчадалы пренебрегали считая её «грязной рыбой, так как она ест плавающих мышек». И никакких искусственнных (блесна, мормышки, мушки, воблеры) приманок! Ловили по честному, на икру. До сих пор помню вкус слегка подваренной красной икры, которую держали зимой на рыбалке во рту чтобы не замерзла. Уж не знаю кто её больше съедал: рыба или сами рыбаки. И только весной, до нового хода лосося, когда кончались все запасы икры, рыбачили на муравьинные яйца. В лесу разрывали огромные муравьинные кучи красных камчатских муравьев, добираясь в глубине до мест кладок. Пригоршнями складывали в специальный мешок всех вместе-и муравьев, и яйца, и строительный материал муравейника и уносили в село, предварительно собрав в кучу разрытый муравейник. Дома во дворах высыпали содержимое мешков на землю, положив рядом кусок тополинной коры. Освобожденные муравьи первым делом бросались спасать свое потомство, стаскивая под кору-убежище все личинки. Оставалось только сложить их в банку и отправляться на рыбалку.

НОВЫЕ ДОРОГИ

Всё лето 1966 года я проработал со своими школьными друзьбми Черемисиным и Науменко у геофизиков на Оганчинском перевале Срединного хребта.

Здесь было открыто первое месторождение коренного золота на полуострове и оно привлекало тогда всеобщее внимание. Мы устроились на лето рабочими-замерщиками в московскую геофизическую парти ЦНИГРИ. Надо признаться, что монотонное, ежедневное занятие лазить по крутым склонам профилей с проводами и электродами, пытаясь заземлиться в скальном грунте, утомляло. Но всё это с лихвой компенсировалось видами заснеженных вершин Срединного хребта, Ичинского вулкана, вечерами у костра, знакомством с совершенно новым миром, людьми.

В середине сентября я засобирался домой. Мои родители к этому времени уже перебрались в Петропавловск и мне ещё надо было добираться в город.. Начальник партии, здоровенный бородатый мужчина Лунин достал из окованного железом въючника заработанные мною, за вычетом котлового питания, пятьдесят рублей. Я расписался в ведомости, получил деньги и был нехотя отпущен на свободу. В тот же день я ушел на базу группы партий , что находилась в километрах десяти от объекта в венрховьях ручья Быстрого , где была вертолетная площадка.

На базе меня встретила стая местных собак, радист и два бича канавщика, которые решили, что зиму им тут точно не пережить и пытались выбраться к людям.

В ожидании вертолета прошло три дня , а его всё не было. Всё время стоял туман,противно моросило.

Радист сказал, что вертолета можно ждать и две недели и посоветовал отправиться в Мильково пешком - мол всё время вниз, до Правого Кирганика, а там, глядишь, и за 2-3 дня выберетесь к селу. И мы сорвались. В дорогу мне радист дал буханку хлеба. Шли мы пять дней. Я потом понял, что ещё бы дней пять голодных блужданий и мои практичные попутчики съели бы меня взамен хлеба. Но, к счастью, к концу пятого дня вышли на поля в районе новой кирпичной и продовольственный кризис был разрешен. Мои напарники рванули в магазин, а я к своей тете Мавре Софроновне Ежовой отмываться и отсыпаться.

Через два дня я уже трясся в попутном грузовике в город на мешках с картошкой. Автомобильную дорогу в Петропавловск тогда только- только сдали. Порой ещё было полно грязи, трасса не везде была отсыпана гравием. И не на всех реках ещё стояли мосты. Но колонны грузовых машин уже двинулись по дороге. С города везли материалы, оборудование, в город – сельхозпродукцию, лес. Стремительно уходило время, когда картошку в город вывозили самолетами, а материалы и груза доставляли из города по морю и реке в половодье через Усть-Камчатск дорогой, которая была почти в четыре-пять раз длинней.

Фото 90 . Вывоз урожая картофеля в город на самолетах Ан-2. На переднем плане Кузмич Д.Ф. Начало 60-х. Из архива Кузмич Г.Д.

Фото 91 . На заключительном этапе строительства мильковского участка автодороги Мильково –

Петропавловск. Права: начальник Мильковского ДСУ Науменко М.Ф. Из архивов группы «Старое Мильково».

И сразу повсюду стали заметны перемены, оживлялось село, менялся его привычный, неторопливый уклад. Всё это было ново, будоражило, манило. Хотя где то далеко в душе было жаль прощаться с детством, одноэтажной деревней с чистенькими, тихими улицами, цветущими полисадниками.

Устроившись поудобней на мешках с картошкой, я с восторгом смотрел как за бортом мелькали Андриановка, Шаромский мыс, Грешная, Ганальская тундра… Машина уносила меня всё далбше и дальше в какую то новую, неизведанную жизнь и всё казалось ещё впереди… Я ещё не знал, что самые счастливое и светлое время моей жизни уже кончились и остались где то там, сзади, за Андриановкой с Мильковушкой.

Фото 92 . Последний год со своими одноклассниками. 1965 год. Идём в поход с Машей Агафоновой!
Слева направо: Аня Киселева, Рая Слободчикова, Оля Сенникова,Катя Шишкина (Попкова), Алексей Пологов, Галя Карендясова, Женя Потапов, Таня Потапова (Константинова), Люба Мельник (Глазова), Саша Овсянников, Рая Мерлина, Саша Машихин, Маша Агафонова (Корчуганова),вожатая, Павел Черемисин, Борис Брагин

Фото 93 . Последнее фото школьных друзей на память. Весна 1966 год. Слева направо: Черемисин Павел, Науменко Владимир, Брагин Борис.